

М. КОРН

Революционный синдикализм и анархизм

<Фрагменты>

Мы переживаем теперь крайне интересный момент в истории развития рабочего движения и социалистической мысли. Социалистические партии, превратившиеся в партии исключительно парламентские и на целый ряд лет застывшие в полном довольстве собою, в полном отрицании всякой критики, не заметили, как совершенно независимо от них выросло и развилось новое движение — то движение, которое стало теперь повсюду известно под именем революционного синдикализма.

Вначале социал-демократия отнеслась к нему презрительно, враждебно: она узнала в нем близкого родственника анархизма и перенесла на него всю свою ненависть к последнему. Против него не щадили ни насмешек, ни клеветы, ни интриг. Но революционный синдикализм быстро рос и становился силой, и вражда к нему отзывалась губительно не на нем, а на самих социалистических партиях: все дальше и дальше уходила от них рабочая масса, и все непримиримее по отношению к ним становилось синдикалистское движение. Скоро стало ясно, что так называемые «рабочие партии» живут совершенно вне рабочих, а рабочее движение идет своим, не только независимым, но и враждебным им путем. И вот, в настоящее время перед партиями стоит дилемма: или окончательно отказаться от претензии воплощать в себе дух и интересы рабочего класса, или приспособиться к новому течению. <...>

Все это — не что иное, как попытки обновить социал-демократию, внести в нее исчезнувшую революционную и социалистическую идею, но притом сделать это так, чтобы это не показалось

капитуляцией перед идеями анархизма (близость которого с современным революционным синдикализмом бросается в глаза). Мало того: главная цель этих попыток — вырвать рабочее движение из рук анархистов. Аргумент: «Если мы не сделаем того-то и того-то (напр., не заявим о своих симпатиях к идее всеобщей стачки, не будем протестовать против увлечения парламентаризмом и т. д.), то рабочие уйдут к анархистам» — сделался в последние годы очень веским аргументом в социал-демократической среде. Даже в России, где еще собственно нет настоящего рабочего синдикалистского движения, мы видим то же самое. Уже теперь Хрусталеv, призывая социал-демократов к более тесному общению с рабочей массой, грозит им влиянием «анархо-синдикалистов»¹. <...>

Как бы то ни было, однако, это положение заключает в себе некоторую опасность. Новое направление в социал-демократии бесспорно стремится к одному только: это — преподнести рабочим все те же идеи под новым, популярным, флагом синдикализма и тем повернуть живое революционное течение в старое русло социал-демократической программы. Вот почему революционному синдикализму следует остерегаться дружественного отношения социал-демократии гораздо больше, чем ее вражды.

* * *

В одной из следующих статей мы займемся вопросом о происхождении и исторической преемственности революционно-синдикалистских идей; теперь мы имеем ввиду только их отношение к современным социалистическим течениям. Идеал и программа социал-демократии всем известны: коллективистское централизованное государство, сосредоточивающее в своих руках всю экономическую жизнь; завоевание политической власти, как путь к достижению его и как цель социалистического движения; парламентская деятельность, как необходимая принадлежность социалистической программы — все это идеи, в сфере которых мы долго почти исключительно вращались и которые, в глазах многих, слились даже с самым понятием социализма.

Сопоставим же эти положения с руководящими положениями революционного синдикализма, и мы увидим, что здесь — два противоположных полюса социалистической мысли.

Цель рабочего движения здесь — установление такого общественного строя, в котором владение орудиями труда перехо-

дит к рабочим, организованным в производительные группы, свободно федерирующие между собою. Эти экономические организации должны заменить собою всякую организацию политическую, т. е. государственную.

Современные рабочие союзы не что иное, как зародыши этих будущих групп. Путь к достижению этой цели — непосредственная экономическая революция, экспроприация, производимая самими рабочими организациями, помимо всякого участия политической власти. Началом и могучим орудием этой революции должна послужить всеобщая стачка.

В настоящей, повседневной борьбе с буржуазией — захватный порядок и все средства непосредственной рабочей борьбы: стачки, бойкот, саботаж*. Деятельность парламентская, избирательная в этой программе не существует: она не возбуждает никаких надежд, никакого интереса. <...> Прибавим к этому, что в организационном отношении революционный синдикализм держится федералистических принципов; что дисциплина в нем не ценится, культ большинства не существует. Наконец, отсутствие уважения к закону и легальности и самый резкий антимилитаризм дополняют общую физиономию движения.

Не нужно долго думать над этими понятиями, чтобы увидеть и решить категорически, к какому направлению в социализме это течение примыкает. Это — те самые идеи, которые всегда, с самого Интернационала, проповедовал анархизм. Еще Бакунин в своей статье «Политика Интернационала»** обрисовал желательную ему политику такими чертами, что современное синдикальное движение кажется буквальным осуществлением этой программы. Затем, вся последующая анархическая пропаганда в Западной Европе, вся литература — газеты «Le Révolté» и «La Révolte» (мы берем наиболее сильные и типичные), «Речи бунтовщика» и «Завоевание хлеба» Кропоткина, целая масса брошюрной литературы, — вся практическая деятельность анархистов в рабочей среде — что это, как не проведение тех же самых принципов? Разница только в том, что в анархизм входит еще и ряд философских, этических, исторических и других

* Порча материала или, вообще, «плохая работа за плохую плату». Термин еще не имеющий соответственного в русском языке.

** Газета «Egalité», 1869 г. Русский перевод вышел отдельной брошюрой в издании «Свободы» (Москва, 1906).

взглядов, тогда как синдикализм есть движение чисто практическое. Но с *этими* практическими взглядами совместима только *одна* теория, и это — теория анархическая. Только она может служить обобщением этой практики и путеводной нитью для нее. <...>

Стройный социологической или исторической системы синдикализм, конечно, не выработал; это никогда и не было его задачей. Тем не менее мы находим в синдикалистской пропаганде две довольно ясно просвечивающие идеи: это — отрицание фатальности исторических законов и революционная роль меньшинства. Первый вопрос явился им в виде вопроса о Лассалевском «железном законе» заработной платы², и они ответили на него так: «Этот закон был бы, может быть, таковым, если бы не существовало рабочего движения, но оно существует, а потому окажет свое давление и помешает закону оправдаться на деле. Наше активное вмешательство изменит фатальный ход вещей». <...>

Революционная роль меньшинства — вторая, более разработанная, историко-философская идея синдикалистов.

Эта идея встречается во всех программных, так сказать, произведениях синдикализма и обуславливает самый характер его, как движения *революционного*, не желающего приспособляться к общей массе всегда более инертного большинства.

<...> Теорию революционной роли меньшинства, не диктаторского, а меньшинства — авангарда революции, развивала всегда анархическая литература. Начиная с «Речей бунтовщика»*, ее можно найти во всех анархических произведениях, где только затрагивались эти вопросы, и теперь, в изложении синдикалистов, мы встречаемся не только с тою же идеею, но с тем же обоснованием, с тою же формулировкой ее.

Что касается вопроса о роли личности в истории, то хотя специально анархизм его до сих пор не разработал и своей историко-философской системы, в стройном и законченном виде по крайней мере, не выдвинул, но симпатии всех анархических теоретиков были всегда на стороне защитников «активного прогресса». И когда современный синдикализм, в свою очередь, примыкает к этого рода течению мысли, то ответ на вопрос, с чем встречаемся мы здесь, с анархизмом или с социал-демократией — становится

* Глава «Революционное меньшинство».

совершенно ясным*. Очень уже далеко от этого провозглашения роли личности до безличной доктрины исторического материализма! <...>

II

Современный революционный синдикализм — явление новое только для людей настоящего поколения: наши отцы знали в 60-х и 70-х годах грандиозное движение, в значительной степени проникнутое тем же духом, — движение Интернационала, Международного Общества Рабочих.

Эпоха Интернационала и его организация имеют для истории социализма решающее значение: здесь социалистическая идея сблизилась окончательно с практическим, реальным движением рабочих масс и сделалась их идеей; здесь же возникли и оформились главные, до сих пор существующие, течения социалистической мысли. В нем же, в Интернационале, проявился впервые и основной раскол в социализме: между социалистами-государственниками и социалистами анти-государственниками (анархистами), раскол, который впоследствии, по мере разработки программ и проверки их на деле, углублялся все дальше и дальше и привел к такой непримиримой вражде, перед которой, увы! часто бледнеет вражда к непосредственному общему врагу.

Те взгляды, которые мы теперь называем революционно-синдикалистскими, имеют в Интернационале своим источником то самое направление, от которого ведет свое начало и анархизм в точном смысле слова. Нам уже пришлось сослаться на статью Бакунина, «Политика Интернационала», помещенную в газете «Egalité» в 1869 году. <...> Борьбе рабочих против хозяев, на почве чисто рабочих интересов, Бакунин придает громадное значение. Положение рабочей массы таково, говорит он, что надеяться развить и подготовить ее к революции исключительно путем теоретической пропаганды — нельзя. «Им остается только один путь, *путь практического освобождения*. Какова же может и должна быть эта практика? Существует только одна: это — со-

* В западноевропейской литературе не существуют — или по крайней мере не оказывают никакого влияния — другие философские направления социализма, как, напр., наша субъективная социологическая школа.

лидарная борьба рабочих против хозяев. *Это — рабочие союзы, организация и федерация касс сопротивления»* (стр. 19).

Это ли не современный нам «революционный синдикализм»?

В последующие годы различие между двумя фракциями Интернационала, до тех пор скрытое, стало явным.

<...> Интернационал очень резко делится на два течения: с одной стороны — завоевание политической власти путем проникновения в существующие государственные учреждения, парламенты и проч.; с другой — организация рабочих *вне* государства и против него. Второе течение не отказывалось от политики в *широком* смысле слова, как не отказываются от нее и теперь анархисты и синдикалисты; оно отрицало только политику *парламентскую, буржуазную, легальную*.

Одновременно с этим обнаружили и различия в организационных взглядах: первые были централистами, вторые — федералистами. И это было неизбежно: взгляды той или иной категории всегда находятся между собою в логической связи. Программа завоевания или захвата власти, *политического* переворота сверху вниз, идеал «народного государства» (Volksstaat) — все это ведет к централизаторскому понятию об общественной партийной организации. Наоборот, общественный идеал свободного союза независимых производительных групп и связанная с ним программа *экономической* революции снизу вверх, требуют проведения федералистических взглядов и в вопросы настоящей борьбы. Вот почему не только анархисты, но и революционные синдикалисты оказываются федералистами, как были ими представители того же направления, — их предшественники в Интернационале. <...>

Гаагский конгресс был, как известно, сигналом распада Интернационала³ и гибели централистской, марксистской его части. Федералистический Интернационал — за которым стояли все действительно живые, а не на бумаге только существующие федерации — оказался более живучим: он существовал до 1878 года, деятельно работая, поддерживая связи между федерациями, собирая ежегодные конгрессы. <...>

По вопросу о роли рабочих организаций очень ясный ответ дал последний конгресс федералистического Интернационала (в Вервье, в 1877 г.). Пока профессиональный союз, говорится в этой резолюции, ставит себе целью исключительно временные улучшения, он не приведет к окончательному освобождению

рабочих. «Он должен поставить своею целью уничтожение наемничества, т. е. уничтожение класса хозяев, и овладение орудиями труда, путем экспроприации их владельцев».

Итак, основная точка зрения современного синдикализма — как и основная точка зрения анархизма — находит себе очень ясное выражение у федералистов Интернационала, у тех, кого называли «бакунистами», у Юрской Федерации; точно так же современная социал-демократия исторически связана с марксистской, централистической ветвью той же Ассоциации. <...>

В следующей главе мы рассмотрим постановку этих же вопросов в анархическом движении, в период, следовавший за Интернационалом.

III

<...> Реакция, следовавшая за поражением Коммуны, гибель и изгнание наиболее энергичных деятелей, преследования против членов Интернационала во всех странах — все это не могло не повлиять, хотя бы временно, подавляющим образом. В социализме получило преобладание умеренное течение, повернувшее в сторону легализма и парламентской политики; в профессиональном движении на сцену выступили буржуазные мютюалисты, сторонники примирения классов, — те самые люди, с которыми в прежние годы боролись деятели Интернационала. Рабочие союзы казались им такими организациями, с помощью которых можно с успехом канализировать и обезвредить рабочее движение; они окружили их бдительною опекою, доставили им свое милостивое покровительство и постарались овладеть ими <...>.

Понятно, что в эти реакционные годы мечтать о проникновении революционеров в профессиональные союзы было трудно, думать о подчинении их, как организаций, влиянию революционного социализма — невозможно. Оставалось только одно: пытаться действовать на рабочую массу независимо от них; так и поступали в это время все социалисты, не перестававшие стремиться к расширению задач движения в направлении социализма.

Нередко приходится слышать, что в первые времена развития анархизма наши товарищи относились отрицательно к рабочему движению, сторонились от массы и, замыкаясь в гордом одиночестве, занимались больше всего культивированием собственной индивидуальности. Нам часто говорят, что только в последние

годы анархисты пошли к рабочим, что современный синдикализм — уступка со стороны анархизма духу социал-демократии, а не наоборот. Нужно заметить, что в полемическом отношении это — прием очень удобный; но в основе его лежит полное незнакомство с историей анархизма, и находить себе отклик он может только благодаря тому, что среди нашей публики до последнего времени можно было безнаказанно распространять какие угодно исторические басни. Между тем проверить их не так трудно: стоит только познакомиться с анархической литературой за этот период времени, чтобы увидеть, как пишется социал-демократическая история.

С 1879 года начала издаваться в Женеве газета «Le Révolté», положившая в основание своей программы взгляды федералистической ветви Интернационала*. Орган этот, однако, не ограничивался проведением уже известной точки зрения: он развивал ее дальше, и положил начало последовательной и стройной разработке анархических идей — теории и тактики. Руководящие статьи этой газеты, появлявшиеся тогда без подписи, как статьи редакционные, — те самые «Paroles d'un Révolté», («Речи бунтовщика»), которые, выйдя впоследствии цельной книгой за подписью П. А. Кропоткина, стали настольной книгой каждого революционера во Франции, да и не в одной Франции. В этих пламенных статьях социалистической мысли открывались неведомые доселе горизонты; перед рабочим движением ставились задачи, захватывающие дух. Идея социалистической экспроприации становилась доступной, осязательной. Вместе с тем на первый план повсюду выдвигалась самодеятельность *рабочей массы*, развитие в ней «бунтовского духа», необходимость движения снизу вверх, общественной организации снизу вверх. Говорить об аристократическом индивидуализме анархистов этого периода можно, очевидно, только обращаясь к публике, никогда

* Газета явилась продолжением «Бюллетеня Юрской Федерации» — органа федералистического Интернационала — и газеты «Avant-Garde», основанной Юрцами как орган создавшейся в 1878 г. тайной Французской Федерации Интернационала, а потом, с закрытием «Бюллетеня», заступившей его место, но закрытой Швейцарским правительством в 1878 г. Влияние Французской Федерации очень заметно было на конгрессах французских синдикатов; ее члены всегда присутствовали на этих конгрессах как делегаты рабочих союзов, и их доклады составлялись сообща нашими товарищами.

не читавшей ни одной строчки этого типичного анархического *profession de foi*⁴.

Задача расширения целей рабочего движения стоит в «*Révolté*» на первом плане; газета внимательно следит за фактами рабочей борьбы, каждый раз показывая необходимость революционизировать стачки и довести их до попыток всеобщей экспроприации. Точно так же «*Révolté*» приветствует все революционные акты, происходящие в процессе этой борьбы: попытки восстаний, акты экономического террора и т. д.* Относясь отрицательно к тред-юнионизму, создающему рабочую аристократию, наши товарищи, тем не менее, сочувствуют образованию крестьянских союзов, проникнутых более живым и революционным духом, охотно печатают объявления о новых корпоративных органах социалистического оттенка, о собраниях и митингах, имеющих целью вдохнуть в рабочее движение революционную энергию. <...>

В стачечном вопросе наши товарищи 80-х годов стоят не *против* конкретных требований, а лишь за расширение их, за революционизирование способов их удовлетворения. Стачке «со сложенными руками» они противопоставляют стачку-бунт. Участие анархистов во всех крупных стачках — во Франции, в Швейцарии, в Бельгии, в Америке — служит этому доказательством. «Наше дело, — пишет в 1888 году “*La Révolte*” по поводу забастовки землекопов в Париже, — пристать к движению; когда льется кровь, не время рассуждать о его пользе или бесполезности». <...>

Следующий год — 1889-й — был годом крупных стачек, принимавших кое-где характер всеобщих. Особенно замечательна была лондонская стачка в доках, поднявшая массу не-профессиональных рабочих, тогда еще не-организованных и считавшихся «несознательными». Анархисты приветствовали их выступление, а также и связанное с ним народное рождение в Англии рабочих союзов нового типа, более подвижных и более восприимчивых. Очень важным явлением казалась им и самая стачка — по высокому проявлению в ней рабочей солидарности и по успехам, которые сделала во время ее идея всеобщей стачки.

<...> Отличительная черта синдикалистской тактики — прямое воздействие, захватный порядок — неуклонно проповедова-

* См. особенно статьи по поводу восстания углекопов в Деказвиле и убийства рабочими местного деспота, инженера Ватрена.

лась анархистами. Самое выражение «action directe» (впоследствии популяризированное в рабочем движении, главным образом нашим товарищем Пуже) было употреблено, если не ошибаемся, в первый раз газетой «La Révolte» по поводу стачек в бельгийских угольных копях в 1887 году*. Точно так же, когда был поставлен вопрос о 8-ми часовом рабочем дне, анархисты, критиковавшие практические результаты его достижения, говорили вместе с тем: «Вы хотите иметь 8-ми часовой рабочий день? Берите его! Уходите из мастерских, проработав 8 часов — и вы достигнете своего»**. <...>

Идея всеобщей стачки, возникшая в рабочей среде и принятая так враждебно социал-демократией всех стран, встретила, наоборот, полное сочувствие среди анархистов. <...> Анархисты, однако, далеко не отстраняются от движения; наоборот, они принимают в нем самое горячее участие, сея везде, где возможно, мысль, что передовые рабочие должны были бы, вместо того, чтобы кричать: «Да здравствует республика! да здравствует всеобщее избирательное право!», перейти к экспроприации копей и увлечь таким образом за собою умеренную, обуржуазившуюся часть рабочих организаций***. Всеобщую стачку как средство борьбы анархисты признают *своим* средством и радуются, что, несмотря на все противодействие социал-демократической рабочей партии, считающей ее возможной только при наличии миллионных капиталов (слова Геда), масса идет именно к этому приему рабочей борьбы. Вместе с тем наши товарищи настаивают на том, что всеобщая стачка, чтобы принести какие бы то ни было плоды, должна быть не мирной, а революционной. «Она не будет, — пишет по этому же поводу “La Révolte”****, — войной со сложенными руками. Она будет общим восстанием. Народ понимает, с чего должна начаться революция». Но чтобы стачка была успешной, нужно еще одно условие: она должна начаться самопроизвольно, естественно возникнуть из разросшегося движения, а не быть декретированной какою-нибудь центральной организацией*****.

* № 20, год 1-й.

** «La Révolte», 1889 и 1890 гг.

*** «La Révolte», год 9-й, № 9-й.

**** Год 9-й, № 8-й.

***** См. полемику по этому вопросу с Де-Папом и Дизелем, «La Révolte», год 9, № 18.

Вместе с тем вовсе не нужно ожидать стачки всеобщей в буквальном смысле: для приостановки экономической жизни достаточно, чтобы забастовали 3–4 важные отрасли производства.

Немногочисленны были в то время приверженцы идеи всеобщей стачки, но сама жизнь подсказывала такое решение вопроса и пробивала этой идее дорогу. Здесь не место обрисовывать историю ее развития. Напомним только в двух словах, что в 1888-м году вопрос был впервые поставлен на съезде профессиональных организаций во Франции; он обсуждался вновь на конгрессах последующих годов, и, наконец, в 1894 году, на конгрессе в Нанте⁵, сторонники всеобщей стачки одержали решительную победу: всеобщая стачка стала с того времени главной руководящей идеей французского рабочего движения, в последующие годы разработавшего и развившего ее.

Не анархисты, конечно, изобрели и ввели этот прием борьбы, уже предлагавшийся в Интернационале (они никогда и не претендовали на это); но они оказались верными выразителями рабочего настроения, верными указателями пути, наиболее подходящего для рабочего движения. Нельзя не отметить, что в этом вопросе они стояли очень ясно впереди движения: их понимание всеобщей стачки было с самого начала тем самым, к какому пришли рабочие массы в своих организациях постепенной выработкой и выяснением идей — в теории и на практике. Понятие современного революционного синдикализма о всеобщей стачке есть то понятие, которое составили себе наши товарищи еще в самом начале движения.

* * *

Международный социалистический конгресс 1889 года⁶ происходил с участием анархистов, которые явились на нем единственными защитниками всеобщей стачки, единодушно отвергнутой социал-демократией. Именно как подготовку ее поняли они и решение о первомайских демонстрациях, заимствованное конгрессом у американских рабочих движений предыдущих годов. <...>

В половине девяностых годов разочарование рабочих в парламентской тактике стало заметно обрисовываться; отсюда — начало сближения между передовой частью рабочих союзов и социалистических партий, с одной стороны, и анархистами — с другой. На Цюрихском международном конгрессе 1893 года⁷,

анархисты в своих столкновениях с социал-демократией уже встретили поддержку со стороны крайних групп других социалистических партий и некоторых представителей синдикатов. Это сейчас же показало социал-демократии, где кроется опасность для будущего, и заставило принять предохранительные меры. Известная цюрихская резолюция против анархистов была проведена именно тогда: она гласила, что всякая группа, посылающая делегата на международный конгресс, обязана подписаться под заявлением, в котором провозглашается необходимость *политической борьбы*. Чтобы неопределенность этого термина не могла быть истолкована в пользу анархистов, к решению было присоединено примечание, в котором говорилось, что под *политической борьбой* нужно понимать не что иное, как борьбу *парламентскую*. Этим решительно исключались из будущих международных «социалистических» конгрессов анархические — и вообще анти-парламентарные группы.

Одновременно с общим конгрессом анархисты и сочувствующие им группы устроили свою особую конференцию, на которой, среди других вопросов, значительное место было уделено вопросам рабочим. Говорилось о необходимости поставить экономическую борьбу над борьбой политической (речь Домелы Ньюенгейса), о всеобщей стачке как начале социальной революции, о ежедневной экономической борьбе, революционизирующей и воспитывающей рабочую массу, о роли в этом воспитании частичных стачек и т. д. Рабочее движение нужно поддерживать всеми средствами, говорится в одной из резолюций конференции, тем более, что рабочие союзы призваны стать ядром социалистического общества.

Не нужно забывать, что цюрихский конгресс происходил в разгар того недлинного, но громкого периода анархического движения, когда террористические акты, вызванные правительственными преследованиями против анархистов, стояли на первом плане в их деятельности, когда террористическая борьба поглощала все лучшие силы, а акты индивидуального героизма поневоле отвлекали внимание от организационной, подготовительной работы в массах. Правда, и в это время анархическая пресса — вплоть до того момента, когда под давлением репрессий все анархические органы должны были временно закрыться, — не переставала напоминать о необходимости общения с рабочей средой и постоянно обращала внимание

товарищей на факты рабочего движения; но в общем это был период блестящих индивидуальных актов и блестящих надежд: рассчитывая на большую, чем оказалось, революционную подготовленность массы, некоторые деятели этого периода думали, что их примера будет достаточно, чтобы поднять ее, в то время, как другие продолжали работу в синдикатах, проникнутых более революционным духом. Первые ошиблись, но не нужно думать, что эпоха террора прошла бесследно. Вызвав, с одной стороны, небывалые гонения на анархистов во всех странах (повальные аресты, казни, исключительные законы, бесчисленные преследования анархической печати), она возбудила, с другой, необычайный интерес к анархизму как идее во всех слоях общества. Некоторые анархические акты были особенно популярны (напр., бомба Вальяна) и привлекли к анархизму новых сторонников.

Прошло очень немного времени, и, несмотря на реакцию, анархическое движение возобновилось. <...> Теперь наши товарищи выдвинули на первый план подготовительную деятельность среди масс, с тою целью, чтобы следующий период революционного подъема и активных выступлений — индивидуальных, или коллективных — уже не прошел без отклика с их стороны. Вопрос об *участии* в рабочих союзах выступил на первый план.

Здесь нужно сделать одно необходимое замечание. Проповедуя с самого момента зарождения движения те идеи, которые теперь начинают получать широкое распространение под названием «синдикалистских», анархисты тем не менее старались по большей части действовать на рабочую массу, стоя вне ее профессиональных организаций. Такая тактика вполне объяснялась консервативным характером, которым отличались в то время эти организации. <...>

Мало-помалу новый дух проникал в рабочие синдикаты. Возможность совместного действия между ними и анархистами обнаружилась особенно ясно на лондонском конгрессе 1896 года⁸. Цюрихская резолюция делала невозможным участие в нем анархических групп, но социал-демократии не удалось все-таки избавиться от присутствия анархистов: наиболее видные деятели нашего движения — Грав, Малатеста, Луиза Мишель, Черкезов и значительное число других, менее известных, явились на конгресс, посланные туда *рабочими организациями*, главным образом, французскими.

Они получили от синдикатов совершенно определенные полномочия — полномочия, которые по всем существенным вопросам

оказались в полном согласии с личными убеждениями делегатов. Это одно уже показывает, как далеко ушли в то время многие рабочие союзы от былой косности и политиканства. <...>

Со времени лондонского конгресса распространение революционных идей среди рабочих союзов быстро идет вперед; вместе с тем наши товарищи все настойчивее поднимают вопрос о вступлении в синдикаты. За него высказываются, главным образом, более молодые товарищи, сблизившиеся с членами синдикатов по поводу лондонского конгресса и убедившиеся в их восприимчивости ко отношению к анархическим идеям. Против него возражают деятели предыдущих годов, более старые, помнящие былую враждебность синдикатов ко всякой революционной тенденции. Но пример некоторых инициаторов (особенно Пеллутье) и поддержка, оказанная в Лондоне анархистам рабочими организациями, оказывали свое действие. Многие, наиболее энергичные деятели нашего движения (напр., Пуже) решительно вступили на этот путь и быстро стали приобретать влияние в синдикалистской среде. Опыт проникновения туда оказался удачным; скоро в руках наших товарищей был орган французской Всеобщей Конфедерации Труда, газета «Voix du Peuple» (Голос народа).

Число тех, кого называли «анархистами синдикалистами», быстро увеличилось, и в настоящее время почти все наши товарищи во Франции принимают живое участие в синдикальном движении. <...>

* * *

Игнорировать парламентаризм и отказываться иметь о нем определенное мнение, — нельзя. Социал-демократия представляющая компромисс между социализмом и стремлениями буржуазии, откладываящая социальный переворот на будущие века, а пока желающая разделить власть в буржуазном государстве с буржуазией, — может считать парламентскую деятельность полезным средством борьбы. Но синдикалист, желающий уничтожения наемного труда и стремящийся достигнуть своей цели прямою борьбою с капитализмом, не может не считать парламентаризма бесплодным отвлечением от действительно плодотворного дела — и тогда он не может не относиться к нему враждебно, видя его деморализующее влияние на массу, связанное с ним исчезновение революционного духа в социалистических партиях и общее понижение самодеятельности в народе.

Путь революционный и путь легальный парламентский взаимно исключают друг друга. Между всеобщей стачкой, переходящей в прямую экспроприацию, и захватом политической власти с целью декретирования мер социалистического характера приходится выбирать. И этой альтернативы не замаскировать никаким переименованием всеобщей стачки в «Массовую», никаким низведением ее на степень орудия достижения частичных политических или экономических уступок.

Через политическую революцию к экономической — такова была с самого начала и таковой остается до сих пор программа социал-демократии. *Прямо к социальной революции, ко всеобщей экспроприации, к коммунизму* — таков лозунг анархизма. Середины быть не может, и всякая партия, всякое общественное течение, раз ставши на тот или иной путь, должны идти до конца. Могут быть отклонения, могут быть уступки, но так или иначе все социалистические направления группируются вокруг того или другого из этих противоположных полюсов социалистической мысли.

Революционный синдикализм не только вступил на путь, ведущий к анархическому полюсу, но и подвинулся довольно далеко вперед. Этому обязан он всеми своими идейными и практическими завоеваниями. Чтобы сохранить их и развиваться дальше, он должен идти до конца; цельно и последовательно принять анархическое воззрение как свою руководящую идею.

